

Введение

Торо сказал, что он родился как раз в нужное время, и любой, кто любит дикую землю сегодня, должен согласиться с тем, что мы ощущаем то же самое. Мы живем среди утрат и ярости, мы пишем элегии и полемики, мы помним более дикую природу — и воспоминания об этом царят над настоящим, как неослабевающая ностальгия, которой мы часто предаемся.

Несомненно, мы можем защищать то, какой была природа сорок лет тому назад, при помощи чего-то большего чем реклама старых добрых дней. Но если это правда, мы должны обратиться к вопросам более глубоким, чем разрушение дикой природы, сред обитания и биоразнообразия, мы должны делать большее, чем описывать снова и снова опустошительные сплошные вырубki, утрату видов или опасные химикаты. Мы должны исследовать процессы в самом сердце современности, которые пока только смутно понимаются, процессы, которые не только разрушают дикое, но и уменьшают наш опыт дикого.

Материальное воздействие современности на дикую землю является очевидным и оно породило мощное движение в защиту того, что остается от дикой природы и биоразнообразия. Подобно большинству людей, которых я знаю, я поддерживаю это движение; я подписываюсь на экологические журналы и время от времени пишу письма гневного протеста. Однако, я в первую очередь заинтересован в другом предмете, и эта книга не направлена на то, чтобы далее защищать ценность дикой природы или увеличивать огромное количество литературы, документирующей воздействие на окружающую среду современной цивилизации. Для меня все это является аксиоматичным. Вместо этого, я озабочен сохранением власти дикой природы, или более точно, авторитета ее присутствия в нашем опыте и, следовательно, в структуре наших жизней.

Отрицательными героями в моей истории являются не обычные плохие парни — промышленники, владельцы ранчо, туристы или лесозаготовители, хотя они воплощают проблему. Нет: моими врагами являются абстракции. Абстракции, которые делают абстрактным даже дикое. В их число входят: (1) наш уменьшившийся персональный опыт природы; (2) наше предпочтение искусственных вещей, копий, подражания и суррогата, управляемыми инженерами и менеджерами вместо натурального; (3) наша растущая зависимость от экспертов для контроля и манипулирования природным миром, которого мы больше не знаем; (4) наша приверженность экономике, рекреации и развлечению за счет других ценностей; (5) однородность, которая уравнивает не только биоразнообразие, но также культурное и лингвистическое разнообразие, по мере того как западное мышление, восприятие, производство и общественная структура распространяются по всему земному шару, и (6) наше растущее игнорирование того, что мы утратили, пожертвовав нашей многомиллионнолетней близостью с природным миром.

Это более ужасные противники, чем ковбои или республиканцы. Столкнувшись с ними, я рассматриваю наши усилия сохранить дикую природу и биоразнообразие как простые паллиативные меры, когда то, в чем мы нуждаемся — это радикальная трансформация, которая дала бы новую оценку дикой земле — ее тайне, порядку и существенной гармонии. Более чем сто лет тому назад в своем эссе «Прогулка» Торо отметил, что «Нам надо говорить, что греки называли мир Kosmos, Красота или Порядок, но мы не понимаем ясно, почему они это делали». Это по-прежнему верно. Битва за дикую землю — это битва за авторитет этого порядка, будь это Kosmos, Дхарма, Дао или дикая природа; это битва против деформации человеческого «Я» в условиях современности, это битва, которая едва началась.

Моя собственная точка зрения на дикую природу происходит от моего опыта, полученного в ней, и приличного времени, проведенного с охотниками, рыбаками, натуралистами, исследователями, рейнджерами, мужчинами и женщинами из разнообразных других культур, художниками и дикими животными. У меня была великолепная возможность прожить год в «смешанных» сообществах людей, домашних животных и диких зверей. Летом обычным является присутствие обыкновенного и американского лося, вилорогого барана, оленя, черного медведя и орлов. Зимой то же самое является верным в отношении белохвостого оленя Коуза, рыжей рыси, голубей и пурпурной мухоловки. Во многом к ужасу некоторых из моих друзей, я даже наслаждался присутствием коров. Там всегда были койоты и вороны, собаки и кошки и человеческие существа, которые предпочитают природный мир — пусть даже ухудшившийся — городам. По ночам звезды сияют, как хрустальные бусины в черно-синем небе. Я не стал бы просить о большем.

Я читал каноническую литературу писателей о природе — Торо, Мюир, Маршал, Мурье, Бестон, Ван Дайк, Леопольд, Карсон, Эбби, Шепард, Матиесен, Диллард, Лопес, Нельсон, Снайдер — на протяжении большей части своей взрослой жизни. Недавно книги Дианы Аккеман, Нейла Эверндена и Роберта Ричардсона повлияли на мое мышление. Наиболее важными были произведения и мысли учителей и друзей: Роберта Эйткена, Рене Аскинса, Франка Крейгхеда, Нельсона Фостера, Джима Гаррисона, Ханны Хинчмен, Тома Лпйона, Гари Начхана, Дуга Пикока, Гарри Снайдера и Терри Темпеста Вильямса. Значительно менее важным для меня был опыт природоохранной биологии, экологической журналистики, общественной политики в области окружающей среды и византийского мира философии в области окружающей среды, которые, как я полагаю, все представляют собой элементы «поверхностной» экологии.

Я верю в то, что более разумное отношение к природному миру должно положить конец нашему прислужничеству перед современностью, создав новые практики, которые изменят нашу повседневную рутину. Я также верю в то, что никакое разрешение кризиса, перед которым стоит дикая земля, не достигнет более чем незначительного успеха без интегрирования духовной практики в наши жизни. Любая духовная традиция, заслуживающая этого имени, учит уменьшению желаний, и это желание во всех формах — простая жадность, алчность, накопительство, воля к власти, стремление к истине, лихорадка роста народонаселения, желание контроля, которые питают разрушение нашей некогда прекрасной планеты.

Однако, каким бы я ни был фундаменталистом, я не чист — это практика для святых. Мне нравится старая даосская поговорка: «В слишком чистой воде не водится рыба». Я до сумасшествия люблю свой грузовой фолд. Я живу в одежде Goretex и Patagonia, трачу значительную часть своего времени, глядя в животных через цейсовский бинокль и поддерживаю контакт с друзьями писателями о природе по факсу и электронной почте. Я не верю в то, что современные удобства являются несовместимыми с сохранением дикого, потому что в моей жизни есть большое количество и того и другого.

Я на стороне медведицы гризли и двух ее детенышей в южном отроге Каньона Сноушу; пумы, прокладывающей себе тропу в моей любимой долине Эскаланте; ворона, воркующего со мной, в то время, как я бреюсь на своем крыльце; клещей, которые цепляются ко мне каждой весной, когда я восхожу на Блектейл Батт; шелковых мотыльков Гловера, бьющихся о мое оконное стекло; крысы, которая живет в пещере, где я сплю, в седловине между большим и средним Тетонами и носится через мой спальник по ночам; ветра, завывающего в горах; устойчивого вируса, который свалил меня с ног этой зимой; кристального света, который приветствует меня, когда я выхожу из дома; звездного неба. Я не вижу необходимости извиняться за свои предпочтения сколько-нибудь больше, чем извиняются за свои предпочтения те, кто предпочитает современную городскую культуру. Как сказал Торо, существует достаточно защитников цивилизации. Что нам сейчас нужно — это культура, которая глубоко любит дикую землю.

Версия #1

Зверобой создал 21 апреля 2025 03:18:29

Зверобой обновил 21 апреля 2025 03:18:42